

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

УДК 1(0.91)

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-3-467-473

История одного кольца. Инструментализация насилия и терроризм

Борисовский А.В., Борисов С.Н.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: borisovskiy@mail.ru; borisov_sn@bsu.edu.ru

Аннотация. История кольца Гига служит парадигмальным примером инструментализации насилия в европейской философской традиции. Осмысление насилия в категориях цели и средства раскрывает и проблематизирует понимание насилия как инструмента, поскольку угроза правовому порядку исходит не только от частных целей человека, но и от самого насилия, которое не является «простым» инструментом и потенциально может разорвать связь между целью и средством в формате мифологического или божественного насилия. Поглощение насилием государственного и правового порядка может вести как к прерыванию инструментального насилия, так и к усилению этой инструментализации. В отношении первого можно сделать вывод, что терроризм как феномен связан с миметической «работой» насилия как манифестации, а также как инструмента, реализуемого на периферии сложившихся общественных институций в условиях сбоев государственных структур и кризиса традиционных способов организации жизни.

Ключевые слова: насилие, терроризм, инструмент, власть, государство, миф

Для цитирования: Борисовский А.В., Борисов С.Н. 2022. История одного кольца. Инструментализация насилия и терроризм. НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права, 47(3): 467–473. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-467-473

The History of One Ring. Instrumentalization of Violence and Terrorism

Andrey V. Borisovsky, Sergey N. Borisov

Belgorod National Research University,
85 Victory St, Belgorod 308015, Russia
E-mail: borisovskiy@mail.ru; borisov_sn@bsu.edu.ru

Abstract. The history of the Gigs ring serves as a paradigm example of the instrumentalization of violence in the European philosophical tradition. Understanding violence in terms of end and means reveals and problematizes the understanding of violence as a tool, since the threat to the legal order comes not only from the private goals of a person, but also from violence itself, which is not a “simple” tool and can potentially break the link between goal and means in mythological or divine violence. Absorption by violence of the state and legal order can lead both to the interruption of instrumental violence and to the strengthening of this instrumentalization. With regard to the first, it can be concluded that terrorism as a phenomenon is associated with the mimetic “work” of violence as a manifestation, as well as a tool implemented on the periphery of established public institutions in the face of failure of state structures and the crisis of traditional ways of organizing life.

Keywords: violence, terrorism, tool, power, state, myth

For citation: Borisovsky A.V., Borisov S.N. 2022. The History of One Ring. Instrumentalization of Violence and Terrorism. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(3): 467–473 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-467-473

Введение

Современные конфликты существенно меняют восприятие феномена терроризма, существовавшее еще совсем недавно, в конце XX века. Привычные категории и оценки не соответствуют стремительно меняющейся действительности, что подтверждают события на Ближнем Востоке, в целом ряде стран Африки и в некоторых других регионах мира. Ставшее привычным для описания терроризма противостояние государства и иррегулярных террористических образований снова подвергается сомнению. Сама реальность производит ревизию идей и теорий, инициируя поиск трансисторических и транскультурных универсалий, позволяющих говорить о насилии, радикализме и терроризме в прошлом и настоящем, связать воедино опыт Античности и эпохи Модерна с реалиями XXI века. Проблема инструментализации насилия актуальна в этом контексте и может помочь в создании адекватного дискурса о терроризме, отвечающего современной ситуации и самому динамично изменяющемуся феномену терроризма.

Кольцо Гига и парадигма инструментализации

Среди легенд, упомянутых Платоном в своих диалогах, история о кольце пастуха Гига кажется достаточно периферийной. По крайней мере, она уступает в популярности «Мифу о пещере». Вместе с тем образ кольца, дающего владельцу сверхъестественные способности, наделяющего его властью, достаточно популярен в европейской литературе – от трактата Цицерона «Об обязанностях», цикла произведений Р. Вагнера «Кольцо Нибелунга» до всем известных произведений Дж. Толкина «Властелин колец». В большинстве этих образов простое действие с кольцом, позволяющее его обладателю исчезнуть, стать невидимым для окружающих, кажется мечтой или проклятием для владельца, а также угрозой для всех остальных. Прежде всего, угрозой, связанной с властью.

И хотя разговор у Платона начинается с обсуждения справедливости, центром истории о кольце можно признать проблему насилия и власти. Дилемма о вынужденном характере справедливости, поднятая Фрасимахом, разворачивается вокруг проблемы наказания и предположения о том, что возможность его избежать, обойти закон раскрывает природу человека и сущностное отсутствие различия между справедливым и несправедливым. История Гига служит иллюстрацией этой идеи, поскольку пастух находит кольцо, поворот которого делает его невидимым, что далее позволяет ему убить царя и занять его место. Отметим еще раз, что свойства кольца позволили безнаказанно убивать и захватить власть.

При этом происхождение кольца остается неясным исходя из текста Платона. Спустившись в некую расселину и заглянув в находящегося там медного коня, пастух «увидел мертвеца, на вид больше человеческого роста. На мертвеце не было ничего, только на руке – золотой перстень» (359 е) [Платон, 1972, с. 119]. Гиг выясняет свойства кольца случайно – сидя на сходке пастухов, он поворачивает кольцо и обнаруживает, что сделался невидимым. Нет упоминания о том, что кольцо принадлежало некоему Богу или являлось его подарком людям, кроме фразы о том, что оно позволяет пастуху «действовать среди людей так, словно он равен Богу» (360 с) [Платон, 1972, с. 119]. То есть кольцо не относится к числу божественных артефактов, а только в силу своих свойств походит на них. Нам кажется это важно, поскольку позволяет отнести кольцо к сфере профанной, человеческой, а значит всему сотворенному человеком и инструментам в том числе, которые позволяют человеку сделать то, что без них он зачастую сделать не может.

История кольца Гига является также историей о зрении и видимости. Поворот кольца делает обладателя невидимым для других людей (у Платона сначала для пастухов, а после – для короля). Захват власти позволяет говорить также о том, что Гиг невидим и для нее, невидим для закона, который он обходит. Сам же он видит все. Это важно, поскольку стандартная диспозиция оказывается перевернута. Именно власть всевидяща и обладает способностью обустроивать проницаемые пространства. Мишель Фуко в своем исследовании пенитенциарных практик в качестве примера берет другую эпоху, но стремление властных практик к паноптичности является сквозным [Фуко, 1999]. И зрение в них как раз является инструментом контроля и подчинения.

В трактате «Об обязанностях» Цицерон также упоминает о кольце Гига и говорит о зрении, но только не внешнем, а внутреннем: «...да будут изгнаны из нашей среды люди, рассуждающие так; ибо все они — преступники и нечестивцы; ведь они рассуждают о том, следовать ли им тому, что, как они видят, прекрасно в нравственном отношении, или же сознательно запятнать себя злодеянием; ведь уже в самом сомнении кроется дурное деяние, хотя они до него и не дошли» [Цицерон, 2020, с. 382]. Цицерон ведет речь о видении нравственного в себе, которое не должно позволять совершать преступления, даже если никто из людей не видит и никто не узнает, что закон был нарушен. Зрение препятствует и предотвращает преступление, также как невидимость влечет за собой насилие. Видеть означает знать что-либо. Для Цицерона знание, равное видению, предотвращает преступление и поддерживает нравственность.

В свою очередь Руссо, кажется, объединяет два смысла зрения в обращении к истории о кольце Гига: «Если б я был невидим и всемогущ, как бог, я был бы благодетелем и добр, как он. Сила и свобода – вот что делает человека прекрасным. Слабость и рабство никогда не создавали никого, кроме злых. Если б я владел кольцом Гигеса, оно сделало бы меня независимым от людей и поставило бы их в зависимость от меня» [Руссо, 1961, с. 626]. С такой не только идеалистической, но также экстраординарной, внешней, можно сказать, «божественной» позиции, обеспеченной способностью видеть, оставаясь при этом невидимым, Руссо пишет о возможности реализации своей природы, которая была бы направлена на достижение всеобщего блага, что возможно благодаря проницаемости его взгляда не только внешнего, но и внутреннего. «Всегда справедливый без предубеждения и добрый без слабости, я в равной мере оградил бы себя и от слепой подозрительности, и от неумолимой ненависти людей; видя их такими, каковы они есть, и без труда читая в их сердцах...» – Руссо полагает найти в людях достаточно хорошего для совершения добра, равно как и силы для того, чтобы удержаться от зла. Иными словами, зрение для него и есть сила, а также знание. Оно проецирует человеческую природу во вне, в том числе через насилие. Продолжив мысленный эксперимент с кольцом, можно предположить, что, попав в руки злого человека, кольцо принесло бы значительные несчастья.

Можно предположить, что само кольцо, подобно любому другому инструменту, нейтрально. Исходный платонов Гиг, используя кольцо, проецирует свою собственную природу, проявляет ее, сам оставаясь сокрытым. Сама этимология слова «инструмент» говорит о простом движении, некотором элементарном действии, вставлении, введении чего-либо. Аналог в русском языке – слово «орудие» изначально имело смысл работы и только позднее орудия как оружия. В общем смысле инструмент есть приспособление для выполнения работы или задачи, и в изложенной истории о кольце Гига само кольцо можно считать инструментом достижения власти, но посредством использования насилия. Насилие как бы вклинивается между человеком с кольцом и властью. Одного поворота кольца, будь оно божественным или волшебным, было бы достаточно. Однако в истории Платона все реалистично. Власть присваивается через убийство и предательство. Связь между кольцом и насилием устанавливается самая непосредственная, ведь именно оно позволяет Гигу творить насилие безнаказанно. Вопрос в том, насколько реален переход от кольца (инструмента) к насилию, можно ли возникшую связь назвать инструментализацией.

Арендт и Беньямин: инструментализация между средством и целью

Ханна Арендт в своей работе «О насилии» уже на первых страницах устанавливает связь между насилием и орудиями, указывая, что насилие «всегда нуждается в орудиях» [Арендт, 2014, с. 8], чем отличается от силы или мощи. Однако подобная связь еще не является основанием для утверждения об инструментализации насилия, да и сама необходимость орудий для насилия является спорной, если под последними не понимать руки человека или голос. Более обоснованным предстает второй тезис Арендт: «Сама сущность насильственного действия управляется категорией «средство – цель», а применительно к человеческим делам основное средство этой категории – это риск, что цель окажется подчинена средствам, которые она оправдывает и которые требуются для ее достижения» [Арендт, 2014, с. 8]. То есть, насилие в этой паре категорий выступает как средство, что и составляет основу инструментализации. Акцент на сложном или даже неустойчивом характере насилия как средства и на связанных с ним целях проговаривается сразу. Он состоит в сложности «надежного предвидения» целей, а также в значительной доле случайности, связанной с реализацией целей насильственным способом [Арендт, 2014, с. 8]. Иными словами, насилие отличается от любой другой человеческой деятельности повышенной степенью риска, непредсказуемостью результата, несмотря на все существующие средства ведения борьбы и существующие методики прогноза. Этот факт не столько затрудняет использование насилия как средства, сколько контроль этого средства.

Имея опыт тоталитарных режимов XX века и мировых войн, Арендт пишет: «Саморазрушительность победы насилия над властью нигде так не очевидна, как в использовании террора для поддержания господства – террора, о зловещих успехах и окончательных поражениях которого мы знаем, наверное, больше, чем какое бы то ни было поколение до нас. Террор – не то же самое, что насилие; это форма правления, возникающая, когда насилие, разрушив всякую власть, не уходит со сцены, но, напротив, сохраняет за собой полный контроль» [Арендт, 2014, с. 65]. В этом случае средство поглощает цель, замещает ее собой. При этом насилие как средство становится самодостаточным, так же как и демонстрирует свою эффективность. В некотором смысле кольцо Гига, создавая беспрецедентные преимущества владельцу, ведет не к тривиальному насилию, а к террору.

Осмысление насилия через категории цели и средства мы находим у В. Беньямина, идеи которого позволяют продолжить мысленный эксперимент Платона о кольце в несколько ином ключе. Беньямин в небольшом тексте «К критике насилия» пишет: «...Насилием в точном смысле этого слова любая действенная причина становится только тогда, когда она затрагивает моральные установления. Сфера этих установлений обозначается понятиями права и справедливости. Что касается первого из них, то ясно, что элементарнейшим условием любого правопорядка является соотношение средства и цели. Далее ясно также, что насилие в первую очередь обнаруживается в сфере средств, а не целей» [Беньямин, 2012, с. 65]. Перевод рассуждений о насилии в плоскость целей, которым оно служит, позволяет говорить о справедливых и несправедливых целях, но не о самом насилии. Насколько оно как средство, как инструмент применимо для решения конкретной цели. Тем более эти размышления интересны в связи с дальнейшей отсылкой к естественному праву и террору времен французской революции. Насилие как естественный феномен дозволено при условии, что этот инструмент решает справедливые цели. На примере, приведенном Беньямином, видно, что сам инструмент, взятый вне целей, имеет значение.

Позитивное право, на котором останавливается Беньямин, решает проблему соотношения средств и целей через критическое осмысление средств, которые могут быть законными и не законными. Первые при совпадении со справедливыми целями делают насилие дозволенным. Это не отменяет инструментального характера насилия, но укореняет конкретные практики насилия в истории, тем самым делая его санкционированным. Причем

сама эта процедура мае непасрэднае адносіненне к суб'ектам права, а значыць к тым, хто можа насіліе ініцыяваць. Бен'ямін адзначае, што максіма еўрапейскага заканадаўства состоіць у тым, што «...усе естэсвенныя цэлі асобных асоб уваходзяць у процівар'яднае з прававымі цэлямі, калі дасягаюцца пры дапамозе ў той ці іншай ступені значнага насілія» [Бен'ямін, 2012, с. 69]. Інымі словамі, выкарыстанне насілія як інструмента адчуждзена ад чалавека ў карысць дзяржавы, а парушэнне гэтага правіла пагражае самаму праваму парадку, паколькі, відавочна, канкрэтны чалавек праследуе естэсвенныя цэлі, а не прававыя.

Аднак пагроза праву ісходзіць не толькі ад естэсвенных ці асобных цэляў чалавека, але і самага насілія, якое не з'яўляецца «простым» інструментам ці сродкам. Насіліе можа «свергнуць правопарадак» [Бен'ямін, 2012, с. 72]. То ёсць патаэнцыйна ці сутнасна насіліе можа разарваць сувязь паміж цэлю і сродкам. І тут трэба спыніцца і прыпыніць лінію, выстраіваемую Бен'ямінам, паколькі паглынне насіліем парадку можа вядзі як да перапынення інструменталізацыі насілія, так і да ўмацавання гэтай інструменталізацыі, паглынню інструментам гэтай цэлі, якой ён служыў. Б. Бачко ў рабоце «Як выйсці з тэрора?» апісвае тэрор як інструмент палітыкі. Прыведзем цытату, у якой ідзе гаворка аб познім этапе дэмантажу палітыкі тэрора, які, вядома, таксама дзейнічаў тэрарыстычны механізм: «Як і другія міфы, слух аб Робесп'еры-кароле — гэта выдуманне тэрарыстычнае. Тэрарыстычнае, паколькі яно было сфабрыкавана палітычнай і паліцэйскай машынай Тэрора, але ў тую ж час і таму, што яно было адрэсавана сацыяльнай сістэме асоб, сфарміраванай Тэрорам. Пасля даследавання Мішле аб пачатку Рэвалюцыі можна сказаць, што з пачаткам Тэрора стала казацца магчымым не проста ўсё, а ўсё, што ўгодна. У атмасферы, накаленай да мяжы пастаяннымі чысткамі, даносамі ў імя грамадзянскай добродетелі, беспрымежнай эскаляцыяй абвінавачванняў, беспрыпынным раскрыццём новых заговораў, было адчуванне, што ад падозрэнняў ніхто не абаронены» [Бачко, 2006, с. 44]. Інтэрасна тое, што Бачко выкарыстоўвае выраз «тэрарыстычны механізм» і «паліцэйская машына». Стварэнне атмасферы страху, сістэмы даносаў і абвінавачванняў, паліцэйскага нагляду, заключэння, судовага прысуду і казней — усё гэта адзіны механізм тэрора. І калі ён знаходзіўся пад кантролем палітыкі, то выхад з яго з'яўляўся б таксама праблемай палітычнай, вырашаемай, адпаведна, сродкамі палітычнымі. Аднак мы дазволім сабе зрабіць здапаўненне, што метады выхаду з тэрора не з'яўляліся палітычнымі, а ў першую чаргу, пераважна палітычнымі. Вярнуць насіліе «пад кантроль» палітычнае, авернуць вспяць інструменталізацыю, вышедшую з-пад кантроля, з'яўляецца магчымым тэрарыстычнымі ж сродкамі.

Больш тое, сам падыход да вызначэння тэрора як палітыкі (толькі як палітыкі) з'яўляецца пад пагрозай. П. Гэніфе вызначае тэрор у сувязі з рэвалюцыяй як інструмент рэалізацыі палітычных праектаў: «...Сучаснае ўяўленне аб рэвалюцыі з'явілася на свет у бурным 1789 г. Яно пабудавана на веры ў шэраг фактараў: пераважна ўсё, у безмежныя магчымасці чалавечэскай волі, далей — у сілу розуму і, нарэшце, — у бесконечную падатлівасць рэальнага. Воля, паставітая на службу розуму для пераўтварэння рэальнасці, — гэта сутнасць сучаснай рэвалюцыі, і менавіта таму на яе шляху ляжыць пропасьць, дзе таяцца насіліе і тэрор. Такое саюжанне асноваў на веры ў перакананні дазваляе вынашываць праект пераўтварэння грамадства па пераважна складзенаму плану, ніяк не звязанаму з традыцыяй і гісторыяй. Інакш гаворачы, няма такой утопіі, калі нават экстравагантнай, якая, будучы ўзброена палітычнай воляй, не можа быць прэтэндаваць на змену рэальнага па сваёму асобу і падобнасці. Адпаведна, тэрор з'яўляецца амаль неабходным следствам намаганняў па прывядзенню ў адпаведнасць ідэальнага і рэальнага, паколькі для пераўтварэння гэтага плана неабходна падпарадкаваць сабе рэальнае і зруйнаваць усе тэ перашкоды, якія неабходна з'яўляюцца на шляху ідэальнага» [Гэніфе, 2000, с. 70]. Неперфектнасць рэальнага свету ў сутыкненні з ідэалісты-

ческим проектами раскрывает террор как инструмент преодоления этого несовершенства, однако такого инструмента, который имеет свою собственную логику развития, в том числе угрожающую самой политике.

Другое следствие, проистекающее из разрыва между целью и средством, состоит в выходе за условные пределы инструментальности. Такое насилие Беньямин характеризует как роковое или мифологическое, открывающееся в невозможности универсализации целей и средств. Он пишет: «Что касается человека, то ярость, например, побуждает его к очевиднейшим взрывам насилия, которое относится к поставленной цели не как средство. Такое насилие является не средством, а манифестацией» [Беньямин, 2012, с. 87]. Ярость против расчета и манифестация против инструментализации. Это противостояние двух видов насилия раскрывает причину, по которой кольцо Гига не может иметь божественной природы. Оно – инструмент, который может служить средством для достижения частных целей и даже быть правоподдерживающим (как в случае политики государственного террора), но не правоустанавливающим.

Если говорить о манифестации насилия, то более удачный образ для его репрезентации – это другое кольцо. То, которое создает Альберих в «Золоте Рейна» Рихарда Вагнера. Его действие разрушительно, аффективно, но также способно породить новый порядок и новое право. Сам Беньямин приводит в пример мифологическую историю о Ниобе, отмечая, что «...насилие, обрушивающееся на Ниобею, проистекает из неопределенной, двусмысленной сферы судьбы. Оно само по себе не является разрушительным. Хотя оно и приносит детям Ниобеи кровавую гибель, оно не покушается на жизнь матери, оставляя ее после смерти детей лишь более виновной...» [Беньямин, 2012, с. 88]. В любом случае, ярость, гнев, вина, другая максимально интенсивная эмоция отсылает к потере человеком контроля, можно сказать, к выходу из себя или захваченности чем-то внешним. Такой контекст имеет также этимологические пересечения между мифологическим насилием и террором, так как ужас, *horror*, происходит от латинского глагола *horreo* [Cavareto, 2010, p. 7], что имеет также значение ступора, окаменения, отсылающего к фигуре медузы Горгоны.

Заклучение

Инструментализация насилия, осмысливаемая в европейской философии в категориях средства и цели, позволяет сделать вывод о том, что насилие не является «простым» инструментом, поскольку потенциально может разорвать связь между целью и средством в формате мифологического или божественного насилия. Кроме этого, можно предположить, что терроризм связан с «работой» насилия и как манифестации, и как инструмента. Субъекты, «зараженные» первым видом насилия, включаются и используются в рамках второго. Потому часто терроризм имеет место на периферии сложившихся институций, там, где дают собой государственные структуры, традиционные институты организации жизни.

Как нам представляется, указанная двойственность терроризма оказывает влияние или даже запутывает его исследователей. На уровне рефлексии и на уровне использования террора как инструмента политики, его осмысления в этом ключе возникающие противоречия вскрывают двойственную природу терроризма, включающую инструментализацию насилия и насилие как манифестацию сакрального. По нашему мнению, указанная двойственность является определяющей для понимания терроризма как прошлого, так и современности.

Список литературы

- Арендт Х. 2014. О насилии. М., Новое издательство, 148 с.
Бачко Б. 2006. Как выйти из Террора? Термидор и революция. М., BALTRUS, 345 с.

- Беньямин В. 2012. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М., РГГУ, 288 с.
Генифе П. 2000. Французская революция и Террор / Французский ежегодник 2000: 200 лет Французской революции 1789-1799 гг.: Итоги юбилея. М., URSS, 264 с.
Платон. 1972. Соч. в 3-х томах. Т. 3, ч. 2. М., Мысль, 478 с.
Руссо Ж.-Ж. 1961. Избранные сочинения. Т. 3. М., Госполитиздат, 838 с.
Фуко М. 1999. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., «Ad Marginem», 480 с.
Цицерон. 2020. Моральные размышления. О старости, о дружбе, об обязанностях. М., РиполКлассик, 450 с.
Cavarero A. 2010. *Horrorism: Naming Contemporary, Violence* Columbia University Press, 168 p.

References

- Arendt H. 2014. *O nasilii*. [About violence]. М., Novoe izdatel'stvo, 148 p.
Bachko V. 2006. *Kak vyjti iz Terrora? Termidor i revoljucija* [How to get out of Terror? Thermidor and revolution]. М., BALTRUS, 345 p.
Ben'jamin V. 2012. *Uchenie o podobii. Mediajesteticheskie proizvedenija*. [The doctrine of similarity. Media aesthetic works]. М., RGGU, 288 p.
Genife P. 2000. *Francuzskaja revoljucija i Terror. Francuzskij ezhegodnik 2000: 200 let Francuzskoj revoljucii 1789-1799 gg.: Itogi jubileja*. [The French Revolution and Terror. In: French Yearbook 2000: 200 years of the French Revolution 1789-1799: The results of the anniversary]. М., URSS, 264 p.
Platon. 1972. *Op. in 3 volumes. Vol. 3, part 2*. М., Mysl', 478 p.
Russo Zh.-Zh. 1961. *Izbrannye sochinenija. T. 3*. [Selected works. Vol. 3]. М., Gospolitizdat, 838 p.
Fuko M. 1999. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tjur'my*. [To supervise and punish. The birth of the prison]. М., «Ad Marginem», 480 p.
Ciceron. 2020. *Moral'nye razmyshlenija. O starosti, o druzhbe, ob objazannostjah*. [Moral reflections. About old age, about friendship, about responsibilities]. М., RipolKlassik, 450 p.
Cavarero A. 2010. *Horrorism: Naming Contemporary, Violence* Columbia University Press, 168 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 14.04.2022
Поступила после рецензирования 14.07.2022
Принята к публикации 30.07.2022

Received April 14, 2022
Revised July 14, 2022
Accepted July 30, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Борисовский Андрей Владимирович, соискатель кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Борисов Сергей Николаевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey V. Borisovsky, Competitor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Sergey N. Borisov, PhD in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia